

Заповедник — это такое место, где воспрещается всякая охота и животные спокойно разводятся, как в огромном зоопарке, только не в клетках, а на полной свободе. Такие заповедники необходимы, чтобы сохранить в природе ценных животных — соболей, бобров, котиков, лосей... В одном из таких заповедников я служил научным сотрудником.

Наш заповедник находился среди лесов и болот, в которых водились самые различные звери и птицы. На берегу небольшой лесной речки стоял домик, где жили мы, сотрудники заповедника.

Каждое утро с восходом солнца мы брали с собой полевые сумки, записные книжки, еду и уходили на целый день в лес наблюдать и изучать жизнь его крылатых и четвероногих обитателей. На десятки километров в округности мы знали каждую норку, каждое гнездо, сколько где детенышей, когда они появились на свет, чем их кормят родители, знали все их радости и невзгоды и всячески старались помочь нашим лесным друзьям.

Так мы и жили в лесу вместе со зверями и птицами, учились понимать их голоса и читать записи лап и хвостов на свежей грязи и песке возле болот и речек.

Один раз утром, когда мы уже собирались в обычный поход, слышим — под окнами застучали колеса телеги. Это было редкое событие: не часто кто-нибудь заглядывал в нашу глушь. Мы все выскочили на крыльцо.

Из телеги не торопясь вылез широкий приземистый человек с огромной курчавой бородой от самых глаз почти до пояса — настоящий дед-лесник. Бородач подошел к нам, поздоровался и подал письмо. Оказалось, что он привез к нам из другого заповедника двух бобров. Мы сняли с телеги большой ящик, в котором среди свежего сена что-то возилось, пыхтело и фыркало.

— Затомились, бедняги, — сказал бородач. — Ведь больше тысячи километров по железной дороге проехали да на телеге километров двести. Закачало их совсем.

Наш новый знакомый, дядя Никита, взял клещи, отодрал гвозди и открыл крышку.

— Бобки, Бобки, вылезайте сюда, разомнитесь немножко, а то вы уж там, наверное, совсем запарились.

Сейчас же из сена показалась одна и следом за ней другая темная мордочка.

— Лезьте, лезьте сюда, — звал дядя Никита, наклоняя ящик.

Бобры не заставили себя долго просить и тут же неуклюже вылезли из своего дорожного помещения. Я с любопытством осматривал этих крупных — водяных грызунов. Каждый из них весил, пожалуй, не меньше двадцати килограммов. Толстые, как упитанные щенки, одетые в свои роскошные бобровые шубы, они казались очень степенными, важными. Бобры были совсем ручные и позволяли себя гладить. Особенно замечательны были у них хвосты: широкие, плоские, как лопатки, и покрыты не шерстью, а рыбьей чешуей. Переваливаясь на своих коротеньких лапах, бобры солидно расхаживали по лужайке возле дома, по временам присаживались и забавно расчесывали задними лапами свалывшуюся за дорогу шерсть.

Мы принесли на лужайку большой медный таз и налили в него несколько ведер воды. Услышав плеск воды, бобры опрометью кинулись к тазу, влезли в него и начали купаться. Не передать, как они обрадовались! Чего только они не выделяли в тазу! Плавали, ныряли, кувыркались, а когда мы добавляли воду, разом бросались под струю, переворачивались на спину, на бок и плескались, как озорные ребята. После купанья бобры долго, тщательно расчесывали и приводили в порядок свои шубки. Потом мы принесли им осиновых веток. Бобры принялись уплетать их с таким аппетитом, что нам невольно тоже захотелось попробовать пожевать веточку. Оказалось — горькая, как хина. Вот уж действительно у каждого свой вкус!

Когда наши гости насытились, мы настелили — в ящик свежего сена и водворили туда бобров на отдых, а сами пошли показывать дяде Никите наши речные уголья.

Дорогой старик рассказал нам историю своих питомцев. Прошлым летом пошел он как-то у себя в заповеднике проверять по озерам утиные выводки. Собака залезла в озеро искать уток. Она переплывала между камышами открытый плес. Вдруг из соседних камышей появились два зверька и пустились следом за собакой. Плыли они очень быстро, так что сразу ее нагнали. Пес тревожно покосился на своих неожиданных спутников, но те, видимо, вовсе не собирались на него нападать. Они только плыли следом, не отставая. Пес, озадаченный такой непрошенной компанией, повернулся и поплыл обратно. Зверьки тоже повернули, словно были привязаны к его хвосту. Так все трое и добрались до берега. Собака выскочила на траву и бросилась к хозяину, а следом за ней, путаясь в траве, неуклюже приковыляли и оба ее спутника. Это были еще совсем молодые бобрята. Очевидно, мать у них погибла, они и приняли плывущую собаку за бобриху. Дядя Никита веял бобрят к себе в дом и вырастил их; сперва поил молоком из самодельной соски, а потом стал давать молодые веточки лозняка и осинника. Так бобрята и прожили у него все лето, осень и зиму.

Пришла весна. Бобрят нужно было выпустить на волю. Ведь не могли же весь век прожить эти водные зверьки в доме за печкой! Правда, у них там стояла большая лохань с водою, но бобрята за зиму так выросли, что едва помещались в такой самодельной ванне и, купаясь, заливали водою всю комнату.

Вот и решил дядя Никита выпустить бобрят в то озеро, откуда их принес. Но тут из центра пришло распоряжение. В нем говорилось, что надо отловить бобров и отвезти для расселения в наш заповедник. Поручили это дело дяде Никите. Он согласился, собрал пожитки, посадил в ящик своих бобрят и прикатил к нам.

Мы показали дяде Никите речку, озера, но больше всего ему понравился глухой лесной проток, заросший тростником. Местами проток расширялся в небольшие глубокие плесы, а местами бежал узким лесным ручейком. По берегам рос молодой осинник — любимая еда бобрят.

— Вот здесь мы их и выпустим, — решил дядя Никита.

Тут же на берегу протока стояла избушка, в которой раньше жил лесник. Теперь избушка была пуста.

— Самое для меня подходящее место жительства, — любовался на нее дядя Никита. — Лес кругом и вода рядом — и Бобки мои тут же поселятся. Отличное место!

На следующий день по лесной, давно не езданной дороге мы привезли бобров к протоку и выпустили на берег. Зверьки огляделись и, почуяв воду, сразу же бросились в нее. В один миг с громким всплеском они исчезли под водой; потом вынырнули и, будто играя, поплыли друг за другом. Нырять, они громко шлепали своими плоскими хвостами по воде. Брызги летели во все стороны. Наконец бобры наплавались, ушли под берег и скрылись там среди камышей и кустов. Мы оставили их в покое и отправились с дядей Никитой помогать ему устраиваться в лесной избушке.

Бобры отлично прижились на новом месте. К сожалению, видеть их днем удавалось не часто. Большую часть дня зверьки отдыхали в выкопанной ими норе, в глуши ольховых зарослей. Зато с наступлением вечера они принимались за работу. Бобры вылезали на бережок, где рос молодой осинник, усаживались возле деревьев и, обхватив их передними лапами, начинали грызть. Если ствол дерева был довольно толст, бобры постепенно обгрызали его вокруг. Зверьки трудились до тех пор, пока дерево не падало на землю, будто подрубленное топором. Свалив осину, бобры начинали усердно хлопотать возле нее. Острыми, как ножи, зубами они отгрызали ветки, тащили их в воду и плыли со своей ношей к намеченному месту. Там они засовывали ветки под берег и возвращались за новыми, которые также складывали в свои подводные кладовые. Так работали бобры каждую ночь до самого утра — готовили себе запасы корма на зиму.

Однажды осенью дядя Никита пришел к нам. Перед этим мы больше недели его не видели.

— Хотите посмотреть, что мои Бобки вытворяют? — весело спросил он.

На наши расспросы дядя Никита ничего не хотел рассказывать.

— Приходите сегодня вечером — сами увидите.

В сумерки мы уже были возле протока.

Что же мы там увидели! В том месте, где проток суживался, его перегораживали наваленные в воду бревнышки, сучья и ветки. Это бобры начали постройку своей плотины.

Мы уселись поодаль на берегу и притаились. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался легкий плеск воды, и из-за поворота показался бобр. Он плыл и тащил в зубах обгрызенный ствол деревца.

Добравшись до своей постройки, бобр стал наваливать на плотину принесенное им бревнышко.

Сделать это было нелегко. Бревнышко скатывалось обратно в воду. Зверек вновь брался за него, подталкивал лапами и головой, пока наконец не водворил свою ношу на место.

Покончив с этим делом, бобр неожиданно исчез под водой.

Когда он вынырнул, во рту у него виднелся большой комок ила с корневищами водных растений. Искусный строитель ловко засунул этот комок в щель между ветками. В это время на воде показался и второй бобр. Он тащил зубами за сук другое поленце. Приладив и его, оба зверька принялись илом конопатить плотину.

Мы так увлеклись, наблюдая эту необыкновенную постройку, что и не замечали времени. Давно уже наступила ночь; полная луна голубым светом озаряла лес, камыши и воду. Проток блестел, искрился живым сверкающим серебром, а ветки бобровой плотины шевелились в струях воды, будто темные змеи. Возле плотины, то появляясь в лунном свете, то исчезая в тени, хлопотливо плавали ее забавные четвероногие строители. Они то приносили новые палки и ветки, то конопатили свою постройку.

(Ночь мы провели в избушке дяди Никиты. Нам хотелось утром еще раз взглянуть на сооружение

бобров.

— Вот ведь что занятно, — сказал один из сотрудников. — Эти бобрята с самого раннего детства остались без матери и воспитывались в доме у человека. Они никогда и не видели, как старые бобры устраивают плотины, никто их этому не учил, а, ведь строят, как и полагается всем бобрам.

Дядя Никита усмехнулся:

— А кто же учит птиц гнезда вить? Или, скажем, паука паутину плести? Никто. Это у всех у них от рождения такое искусство имеется.

Наутро, только что выглянуло солнце, мы опять отправились к протоку. Вышли на берег — и ахнули. Нельзя было даже узнать прежнее место. Перед нами вместо узкого ручейка разлился небольшой пруд. Вода вышла из берегов и затопила прибрежные кусты и деревья. Утреннее солнце весело отражалось в тихой воде. Желтые и красные листья медленно кружились в воздухе, садились на воду и плавали на ней, как маленькие разноцветные лодочки. Этот новый пруд сдерживала устроенная бобрами крепкая, проконопаченная илом плотина.

Вскоре после сооружения плотины бобры принялись за постройку жилища — бобровой хатки. Посредине пруда небольшим островком возвышалась земляная кочка. Бобры смастерили над ней шалаш из сучьев и веток. Крышу и стены своей хатки бобры крепко законопатили илом. Бобровая хатка не имела ни «окон», ни «дверей». Вход в нее зверьки устроили под водой, так что даже нельзя было заметить, когда они влезают в свое жилище и когда выходят из него. Водоем, запруженный бобрами, был неглубок, но зверьки проделали на дне борозду — траншею, которая вела прямо к входу в их хатку. По этой водяной дорожке бобры подтаскивали к своему жилищу осиновые сучья и ветки — запасали себе корм на зиму.

В таких хлопотах прошла вся осень. Наступила зима. В начале зимы, когда лед был еще не очень крепок, бобры часто проламывали его, выходили на берег, «рубили» деревья и затаскивали ветки под лед.

Но вот ударили настоящие декабрьские морозы, крепко сковали льдом воду и землю. Повалил снег, толстым слоем укрыл поля и леса.

Как-то в погожее зимнее утро мы пришли на лыжах поглядеть бобровый водоем. Было тихо и ясно. Голубые морозные искры сверкали на земле, на деревьях и в воздухе, и от этого кругом было позимнему особенно светло.

Мы вышли на открытую полянку. Посреди нее возвышался большой снежный сугроб. Мы огляделись, сразу не узнав места. «Да ведь это же вовсе не полянка, это занесенный снегом бобровый пруд! А сугроб посредине — бобровая хатка».

Мы подошли к сугробу и прислушались — ничего не слышно. Ведь там, внизу, под толстым слоем льда и снега жили наши бобры. Живы ли они и как себя чувствуют в своем темном подледном убежище? Сколько мы ни прислушивались, ни один звук не доносился из-под льда. Кто-то предложил:

— Давайте-ка сделаем прорубь!

Мы быстро сбегали в избушку дяди Никиты и вместе с ним вернулись с ломом и лопатами. Работа оказалась нелегкая. Лед был довольно толстый, но все же через несколько минут прорубь была готова. Прорубили ее как раз над тем местом, где у бобров по дну шла подводная дорожка к их хатке. Все склонились к проруби и стали напряженно всматриваться — не заметим ли в глубине хоть какие-нибудь признаки жизни наших бобров.

— Бобки, Бобки! — позвал дядя Никита.

Мы прислушались — ни звука. Неужели же они погибли там под льдом и снегом?

Вдруг вода в проруби вздрогнула, и из нее показались две знакомые мордочки.

Бобры быстро вылезли на лед, и мы на радостях начали угощать их свеженарезанными ветками.

Наевшись, зверьки принялись расчесывать лапками — приводить в порядок свои шубки. Потом они заковыляли обратно к проруби, бултыхнулись в воду и исчезли. Прошло несколько минут, а мы все стояли и смотрели в темную прорубь под лед. Легкая морозная пленка уже начинала затягивать воду, и на нее медленно падали крупные белые снежинки...

— Ну, прощайте, Бобки! Прощайте до весны.

Мы встали на лыжи и отправились домой.